

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94(470.13)''13/20''

**Формирование и некоторые этнокультурные традиции
русских старожильческих локальных групп Выми, Сысолы,
верхней Лузы и верхней Печоры**

Жеребцов И.Л.¹, Крашенинникова Ю.А.², Бандура С.В.³

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты формирования и культурного своеобразия групп русского старожильческого населения, сложившихся на территории современной Республики Коми – на верхней Лузе (Лойма и частично Спаспоруб), Выми, Сыsole и в верховьях Печоры. При подготовке статьи использованы полевые материалы одного из авторов (Ю.А. Крашенинниковой), материалы Национального музея Республики Коми и Научного архива Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Ключевые слова: Коми край, русское старожильческое население, локальные группы, XIV – XXI века.

**Formation and some ethnocultural traditions
of Russian old-time local groups of Vym, Sysola,
upper Luza and upper Pechora**

Zherebtsov I.L.¹, Krasheninnikova Yu.A.², Bandura S.V.³

Abstract. The article examines some aspects of the formation and cultural identity of groups of the Russian old-time population that have developed on the territory of the modern Komi Republic - on the upper Luza (Loima and partly Spasporub), Vym,

Sysola and in the upper Pechora. In preparing the article, field materials of one of the authors (Yu.A. Krasheninnikova), materials of the National Museum of the Komi Republic and the Scientific Archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences were used.

Keywords: Komi Territory, Russian old-time population, local groups, XIV - XXI centuries.

¹*Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. ул. Коммунистическая, 26, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Zherebtsov Igor Liubomirovich. Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaja str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

²*Крашенинникова Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. ул. Коммунистическая, 26, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Krasheninnikova Yuliia Andreevna. Cand. Sci. (Philology), Head of the Folklore Sector of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaja str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

³*Бандура Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, исполняющая обязанности директора Национального музея Республики Коми. ул. Коммунистическая, 6, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Bandura Svetlana Vladimirovna. Cand. Sci. (History), Acting Director of the National Museum of the Komi Republic. Kommunisticheskaia str., 6, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

- © **И.Л. Жеребцов**
- © **Ю.А. Крашенинникова**
- © **С.В. Бандура**

История формирования и развития локальных групп русского старожильческого населения Европейского Северо-Востока привлекала внимание ряда исследователей (Л.Н. Жеребцов, Л.П. Лашук, Т.И. Дронова и другие). При этом наибольшее внимание исследователей привлекали устьцилёмь, а также население заводских поселков на Выми (Серегово) и Сысоле (Нювчим, Кажим и Нючпас). В данной публикации рассмотрены некоторые аспекты формирования и культурного своеобразия групп русского старожильческого населения, сложившихся на территории современной Республики Коми – на верхней Лузе (Лойма и частично Спаспуруб), Выми, Сысоле и в верховьях Печоры. При подготовке статьи использованы полевые материалы одного из авторов (Ю.А. Крашенинниковой), материалы Национального музея Республики Коми и Научного архива Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Формирование старожильческих групп русского населения Европейского Северо-Востока имеет давнюю историю. Древнерусская колонизация региона началась не позднее XII века. Здесь появились первые русские поселения, являвшиеся сначала опорными пунктами сборщиков дани. Строительство в низовьях Сухоны Гледеня и Устюга сыграло огромную роль в присоединении к Русскому государству окрестных земель, включая и берега Лузы: они стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация. Русские крестьяне, стремясь уйти подальше от княжеской и боярской власти, от их владений, бежали на Север, свободный от феодалов, туда, где имелись свободные земли, пригодные под пашню.

От столетия к столетию приток русских переселенцев на Европейский Северо-Восток нарастал. В 1380 г. возникло русское поселение в самом центре Коми края, у впадения Выми

в Вычегду – село Усть-Вымь, основанное Стефаном Пермским. Через некоторое время к русским первопоселенцам присоединились принявшие православие коми. Так стала формироваться своеобразная группа местного населения. С 1383 г. Усть-Вымь была центром Пермской епархии, и в нем продолжали селиться русские переселенцы. В XVII веке в селении жили Костромины (пришедшие сюда из Костромского края), Серебренниковы, Амосовы, Базлуковы, Бородины, Воробьевы, Русановы, Пономаревы, Поповы, Дьяконовы, Кожуховы, Кошелевы, Торлоповы, Ярыгины и другие. В 1564 г. епископская кафедра была перенесена из Усть-Выми в Вологду, и селение, бывшее некогда религиозным центром обширнейшей территории, стало для епархии далеким захолустьем. Приток русских переселенцев сюда прекратился, а коми жителей становилось всё больше, в том числе и за счет браков русских устьвымичей с коми девушками из окрестных селений. Еще на рубеже XVII–XVIII вв. жители Усть-Выми были, в основном, русскими, и в селе преобладал русский язык. Но в течение XVIII столетия русские устьвымичи перемешались с коми, и в XIX в. население села перешло на коми язык, в котором, однако, очень заметно влияние русского языка. В некоторых других частях Коми края сложилась обратная ситуация.

Вероятно, в XIV–XV веках русские крестьяне, заселив берега Сухоны и Юга (в который впадает р. Луза), освоили и Нижнее Прилузье. В XV–XVI веках по Лузе и Летке проходил важный военно-торговый путь из бассейна Северной Двины в бассейн Вятки и Камы. Для его охраны в Лойме, Спаспорубе и Объячево в XV в. были построены укрепленные городки, где хранилось вооружение. Это способствовало притоку туда русского населения. Лоемский городок располагался на высоком мысу боровой террасы, полого спускавшемся к реке Лузе. По бокам городка находились глубокие овраги с крутыми скатами, а с напольной стороны он был защищен пересекающим мыс глубоким рвом, по краю которого был сооружен тын (часток из вертикально установленных бревен). Вероятно, городок был небольшим и особой роли не играл, а к XVII веку прекратил существование.

В XVI в. русские стали большинством жителей на нижней Лузе, где раньше жили, в основном, коми. Во второй половине XVI века после вхождения в состав Русского государства

Казанского и Астраханского ханств, укрепления там власти московских государей у русских земледельцев появилась возможность осваивать более плодородные по сравнению с Европейским Северо-Востоком земли Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки. А после того, как в конце XVI века рухнуло под ударами «государевых ратей» Сибирское ханство, перед крестьянами открылись просторы Сибири и Приуралья. С XVII века на территорию Коми края (в том числе на Лузу) стало приходить все меньше переселенцев из русских регионов. Граница между территориями расселения коми и русских на западе в XVII веке постепенно стабилизировалась там, где они пролегают и поныне. На Лузе она пролегла по селу Спаспору́б. Коми, жившие западнее, смешались с русскими, переняли их язык и обычаи. Но и русские, в свою очередь, обустроиваясь в новых для них условиях, использовали многовековой опыт жизни местного коми населения.

Так сложилась своеобразная группа русского населения, проживающая в Лойме и частично в Спаспору́бе. Старинные фамилии лоемцев позволяют предположить, откуда в старину сюда переселялись люди. Шехонины, очевидно, являются потомками переселенца с Лузы или Юга р. Шехонь. Предок Низовцевых был, возможно, уроженцем низовьев Лузы, Юга или Сухоны. Однофамильцы Безносиковых жили в низовьях Лузы, Бородкиных – в Великом Устюге, Тырышкиных – на Вятке. По оценке этнографов, лоемский говор в середине XX в. сохранял старорусскую лексику, сопоставимую с языком документов минувших столетий, и ближе всего стоял к говору устюжан.

Местные жители, оценивая свою этническую, территориальную, языковую принадлежность, связывают себя в большей степени с вологодско-вятскими районами Русского Севера, отмечая, в некотором смысле, «ошибочность» присоединения их к Коми краю: *«Лойма – не коми, здесь коми-то нету. Так в Спаспору́бе, со Спаспору́ба-то коми пойдут. А так-то коми пишется у нас, коми пишется. У нас все русские, коми нету никого...»*, *«Вятка, она как-то была ближе, чем Коми [республика]. А нас ведь недавно к Коми-то приписали. Мы были в Архангельском тут, ну я не знаю, кто как у их, или Вологодской, мы были туды ведь приписаны, наша-то Лойма. А Спаспору́б уж коми был. Мы же русские, мы по-коми ниче ведь не знаем, нисколько. Дак мы же были русские. <...> Нас*

придумали и к Коми [республике] приписали», «...У нас с Лузы, у нас все обычаи, слова с Кировской области, мы раньше больше связаны там, мы меньше связаны были сюда...». Экспедиционные записи содержат большое количество свидетельств о тесных торговых и культурных контактах лоемцев с Устюгом, Лальском, Вологодой, Лузой. Устная история фиксирует отличные от официальной даты (1620 г.) «временные координаты», указывающие на время заселения и освоения русскими переселенцами лоемской территории, которое, по мнению информантов, приходится, например, на период правления императрицы Екатерины II: *«При Екатерине II, говорят, суть да дело: начали притеснять в России-то, и люди начали искать хорошие места, уходить оттуда. И вот начали пробираться по реке Лузе, начали кверху подниматься и заселять помаленьку, переезжали, заселяли. А вот эти коми стали дальше пробираться в сторону Спаспоруба. Там в Спаспорубе почти что все коми. Вот в Лойме русские заселились, все фамилии русские, а коми фамилий нет. [А какие здесь фамилии?] Чужмаровы, Иевлевы, Шехонины, Бородкины, Тырышкины».*

Село Лойма и населенные пункты лоемского куста деревень составили одну из компактных русских локальных традиций Республики Коми, которая формировалась русскими переселенцами в условиях довольно тесного окружения и контактов с коми населением. Этнографы Л.П. Лашук и Л.Н. Жеребцов во время экспедиции 1959 г. отметили ряд особенностей материальной культуры лоемцев. Их хозяйство отличалось (в соответствии с давней земледельческой традицией населения) более развитыми формами земледелия. Издавна в местах, пригодных для посевов и сенокосения, на больших площадях были сведены леса и производилась распашка. Хотя все селения расположены подле рек, но связь их с водой относительна, так как основное внимание крестьянами уделялось разработке новин, не только на коренных берегах, но и в глубине водоразделов. В Лойме существовало даже специальное выражение «деревня у пашни» для обозначения починков. В XIX веке лоемцы сеяли рожь, ячмень, овес и пшеницу, имели маленькие водяные мельницы. Значительно было развито льноводство, в том числе и для продажи. Из овощей возделывались капуста, репа, брюква

(галанка), редька, лук, морковь и горох. Выращивали и картофель, но еще в середине XIX века посадок было немного; картофелеводство стало развиваться только к концу XIX столетия.

Л.П. Лашук и Л.Н. Жеребцов отмечали, что жилые дома у лоемцев были крупнее, чем у соседей-коми, и всегда состояли из летней и зимней половин, которые назывались соответственно пятистенки и изба. Печь в лоемских домах, как правило, ставили не у стен, а несколько отступая от них. За печью (сбоку) делался голбец: настил из досок, с дверцей сбоку. Он назывался верхним голбцом. За печью же сзади был вход на печь. Он назывался нижний голбец. Сбоку двора лоемцы ставили небольшую односкатную пристройку – сенник, через который шел вход в хлев.

По наблюдениям этнографов, в пище лоемцев большую, чем у коми, роль в питании играли продукты земледелия и животноводства. Молоко, как правило, квасили, варили творог, так называемые грудки, и хранили в погребах. Перед употреблением творог разбавляли молоком или сметаной. Сбивали масло, предпочитая иметь топленое. Более разнообразны у лоемцев были и овощи. Репа и брюква (галанка) сохранялись в свежем виде в ямах, которые делались прямо на репищах, а также в пареном и сушеном виде. Капуста на зиму заготавливалась только соленая. Кроме того, были морковь, лук, чеснок, редька, хрен и др. Особенно богаты были блюда из муки. Хлеб обычно пекли на поду русской печи караваями, на специальных сковородках пекли колобашки или колобушки; если колобашка была из овсяной муки, то она называлась овсяник. Очень разнообразны были шаньги (по-лоемски – шанёжки). Не встречались у коми такие, например, лоемские изделия как селянка из ячной муки, сметаны и масла, которая пеклась в латке и так и подавалась на стол и др. Старинный праздничный стол в Лойме состоял из следующих блюд: пирог с рыбой, студень, суп, рыба жареная, мясо жареное или вынутое из супа и нарезанное, несколько разных каш, кисель, молочные блюда и в заключении обязательная селянка. Причем когда ее подавали, то на нее клалась колобашка из белой муки, а сверху еще стопка блинов.

В традиции лоемского куста деревень Прилузского района Республики Коми достаточно ярко представлен

свадебный обряд и свадебная поэзия – причитания, сопровождавшие многие ритуальные акты довенечной части обряда, клевиальные, величальные, корильные песни и приговоры свадебных дружек. Из материалов по народному календарю отметим многочисленные сведения о Великом Четверге (четверг накануне праздника Святой Пасхи): этот день в совокупности всех имеющихся материалов выглядит на фоне других календарных дат довольно ярко, насыщен различными деталями и элементами.

Чтобы выйти замуж, девушки в Великий Четверг «разметали» дорогу для женихов, брали деревянную борону, разрубали ее и раскидывали на перекрестке дорог, на крыше шевелили верхнее бревно – охлупень. Хозяйки до восхода солнца совершали ряд действий, направленных на благополучие семьи, плодovitость скота, укрепление здоровья: считали деньги («чтобы деньги были весь год»), мешали сметану и сбивали масло, обрезали хвосты домашним животным. На крышу дома кидали полено, щепку или камешек с приговором «Кладу гнет на целый год», чтобы ветер не сорвал крышу. Умывались речной водой, чтобы «глаза хорошо видели», для красоты и здоровья умывались «с серебра»: в умывальник опускали серебряную или золотую монету и умывались этой водой. Крали землю с чужих огородов, чтобы год был урожайным. Мужчины имитировали лов рыбы: забирались на крышу (на повить), в рыболовные сети клали поленья, «чтобы рыбы много ловилось». Хозяева, имеющие домашний скот, произносили на Великий Четверг ритуальные диалоги, которые были направлены на то, чтобы животные приходили с пастбища домой, знали «свой хлев». Существующие запреты отдавать что-либо в этот день лоемцы объясняют опасностью потери имущества, получения ущерба, убывания благ.

Номинирование Великого Четверга «страшным» связано с представлениями об активизации в этот день колдунов, особой уязвимостью скота и людей. С целью ограждения от порчи рисовали на дверях хлева и дома кресты, произнося молитву (посыпая четверговой солью, обрызгивая взятой с трех ручьев водой) совершали обход жилых и хозяйственных построек и т.д. Особую опасность приобретают предметы, полученные колдуном на Великий Четверг, считалось, что животное можно испортить через отрезанную в этот день шерсть, экскременты;

разлучить супругов можно, напоив их настоем собачьих фекалий, собранных на Великий Четверг и др.

В числе доминантных жанров местной фольклорной традиции отметим также сказочную прозу, заговорно-заклинательный фольклор (заговоры, заклинания, благопожелания, приговоры, ритуальные диалоги, сопровождавшие лечебные, семейные, календарные, скотоводческие и другие ритуалы), необрядовую лирику и песенно-игровой фольклор. В лоемских материалах зафиксированы весьма редкие сведения о похоронах «по-репному» – временных захоронениях умерших неестественной смертью, реликт коллективного обряда, посредством которого осуществлялось «очищение» и «переход» умершего насильственной смертью из разряда «заложных» в разряд почитаемых и уважаемых, т.н. родителей.

Формирование нескольких старожильческих групп русского населения на Европейском Северо-Востоке в XVII–XVIII веках. связано с именами русских купцов и промышленников, заинтересовавшихся местными природными богатствами. В 1583-1584 гг. А.В. Строганов (внук обосновавшегося в Соли Вычегодской в конце XV в. Ф.Л. Строганова, от которого ведут начало несколько ветвей этой знаменитой семьи промышленников), еще в 1582 г. получивший от Ивана Грозного жалованную грамоту на «дикое место по Выми реке» и разрешение искать «в тех диких местах россольные места», ставить варницы, «пашню распахать и лес расчищать», купил у крестьян Василия Юрьева сына Серегова (Серегова-Югова) и Демиды Леонтьева сына Сереговых, а также Никиты Чакилева принадлежавшие им земли под Сереговой горой на Выми (пожню на Сереговом лугу и за ручьем, поскотину за ручьем, поляны и т.д.). В 1586 году он выхлопотал у царя Федора Ивановича разрешение поставить «на своей купленной земле по реке по Выми под Сереговскою горою» варницу, амбар и рассольные трубы для того, чтобы варить соль. Однако дело у него не заладилось, и в начале XVII века на этом же самом участке стояла солеварня, которой владели зажиточные княжпогостские крестьяне Опарины. В ней у сольвычегодского посадского человека Василия Леонтьева Строганова (вероятно,

племянника А.В. Строганова) оставалась только доля («жеребей»).

В 1625 г. дети и внуки А.В. Строганова жили в принадлежавшей им деревне Цыренниково близ Сольвычегодска, владели они также дворовым местом, соляными варницами и двумя соляными амбарами в Соли Вычегодской. Потомки А.В. Строганова обеднели, жили в деревне Цыренниково, занимались, главным образом, земледелием, некоторые плотничали. Коммерцией занимались очень немногие. От живших в соседних деревнях черносошных крестьян их отличало только то, что в соответствии с жалованной грамотой 1687 г. они не несли никаких «мирских служб» (не поставляли рекрутов в армию и т.п.). Но в 1780 году этих Строгановых причислили к государственному крестьянству, и они окончательно лишились своих былых привилегий.

В 1637 году участок приобрел крупный торговец Д.Г. Панкратьев из г. Галича. С его именем связано возникновение Сереговского солеваренного завода – первого промышленного предприятия на территории Коми края (существует завод и поныне). Для работы на заводе Д.Г. Панкратьев, а затем его сын нанимали русских мастеровых-солеваров. Расцвет промысла пришелся на конец XVII века. Сереговский солеваренный завод стал одним из крупнейших в России солеваренных предприятий. На заводе было занято около 200 постоянных рабочих. На заготовку дров для завода привлекалось до тысячи (а иногда и более) окрестных крестьян. До 700 человек занимались вывозкой соли в Вологду – на главный рынок сбыта сереговской соли. Ежегодно туда отправляли пять-семь больших судов с солью (строительство судов осуществлялось при заводе). Сереговской солью торговали также в Москве, Архангельске, Устюге, Вятке.

Во второй половине XVII в. появились и конкуренты. Купец Е.И. Филатьев к 1678 г. наладил работу своего небольшого промысла. Соловецкий монастырь тоже планировал основать тут свой промысел. Борьба между конкурентами велась весьма остро. В 1684 г. И.Д. Панкратьев жаловался, что «старцы» Соловецкого монастыря и приказчики Е.И. Филатьева напали на его работников: «из луков стреляли и бердышами рубили, и рогатинами кололи, и человека ево... застрелили до смерти,

четыре человек ранили и работничьих 5 дворов сожгли». Потомки А.В. Строганова в 1657-1671 гг. вели с Панкратьевыми длительную судебную тяжбу, пытаясь доказать свое право на владение солеварнями в этом районе, но безуспешно.

Во второй половине XVII века стала формироваться своеобразная по происхождению группа жителей Серегово. В 1678 году при заводе находились 27 изб работных людей, где жили выходцы из Сольвычегодска, Солигалича, Тотьмы, Устюга, Холмогор, с р. Ваги и нижней Мезени. Кроме того, Панкратьевы привезли в Сереговское Усолье своих крепостных – 15 русских, 10 карелов и 19 поляков. Работали на заводе также выходцы из выемских, нижневыхогодских, мезенских и других селений Коми края. В результате в поселении при заводе сложилась разноразовая группа жителей, языком общения для которых постепенно стал русский. Об «иноземном» происхождении некоторых жителей Серегово напоминают фамилии Поляков и Немчинов (эту фамилию могли получить любые выходцы из Европы). Потомки карел могли стать Латышевыми (прозвище Латыш и затем фамилию Латышев могли получить люди, придерживавшиеся «латинского» вероисповедания, в частности, карелы-лютеране). Потомки русских переселенцев носили фамилии Башлыков, Ешкилев, Колмогоров, Нескучаев, Обросов, Перемотин, Странев, Чумаков, Шергин, Швецов.

В 1705 году в России установили государственную монополию на соляную торговлю. Все солепромышленники должны были поставлять соль в казну по заранее определенным ценам. Это было невыгодно, и Соловецкий монастырь отказался от попыток создать свой соляной промысел, а промысел Филатьева пришел в упадок. Сократилась и производительность завода Панкратьевых. В 1747 г. внук основателя завода С.И. Панкратьев, разочаровавшийся в промысле, продал его вологодскому купцу Рыбникову. В то время завод «был весьма в несостоянии». Рыбников несколько расширил завод, производительность его во второй половине XVIII в. увеличилась, хотя и не достигла уровня конца XVII века. Тем не менее, казна выручала от продажи сереговской соли немалые деньги, и власти считали, что из всех соляных промыслов Вологодской губернии «самый лучший и надежный есть Сереговский». В самом конце столетия в семье Рыбниковых из-за завода разразился скандал. В

разбирательстве по личному приказу императора Павла I приняли участие российские министры финансов и внутренних дел, а руководил разбирательством видный поэт и политический деятель Г.Р. Державин. В 1820 г. сользавод перешел в руки известной своей благотворительностью вологодской купеческой семьи Витушешниковых. В 1886 г. владельцем Сереговского завода стал архангельский купец А.В. Булычев, прославившийся своей благотворительной деятельностью: он основал Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь, жертвовал значительные средства другим монастырям, строил и украшал храмы.

В ходе разнообразных контактов заводского населения с коми крестьянами соседней деревни Серегова Гора и некоторых других небольших окрестных деревень в призаводской округе сложилось смешанное коми-русское население, считающее себя русским, в их числе Айбабины, Езовских, Ивашевы, Космортовы, Кызьюровы, Макаровы, Полещиковы, Шидьюсовы... (Среди вымских коми также встречаются такие фамилии). Например, в 1920 г. к русским причисляло себя всё население 152 дворов, располагавшихся в с. Серегово, и 29 дворов, находившихся в д. Сереговская гора. В 1918 г. завод был национализирован. В конце 1920-х – начале 1930-х, в 1960-х и 1970-х гг. проводились реконструкции завода. В 2001 году завод прекратил работу, в 2004 году был ликвидирован.

В фольклорной традиции села Серегово популярны суеверные рассказы о колдуньях-вещицах, способных превращаться в животных, птиц, предметы и портить людей и скот. В исторической прозе – топонимические предания и легенды. Так, появление села Серегово связывают с открытием солеваренного промысла: по одной из версий, купец Серегов или братья Серегины образовали промысел, по другой, приехавший первым на эти места человек по имени Сергей открыл соляные залежи, организовал промысел и стал первым его владельцем. Бытуют легенды о поклонных и обетных крестах, поставленных в селе в память о событиях местной истории (наводнение, пожар в центре села и прочее), предание о столкновении сереговцев и соловецких монахов за владение солеваренным промыслом. Разнообразен местный песенный репертуар (свадебные величальные песни, игровые, плясовые, хороводные песни). Из календарных обрядов отметим

насыщенный Рождественский цикл (хождение христово, хождение детей со звездой, ряженье, разнообразные гадания) и весенне-летние гуляния, начинающиеся в Николин день и заканчивающиеся в Петровское заговенье, начало и окончание гуляний номинировались соответственно «выносить соловья» и «заносить соловья».

Во второй половине XVIII века устюжские купцы заинтересовались месторождениями болотной руды на Сыsole, разведали сырьевую базу и обратились в Берг-коллегию за разрешениями на постройку заводов. В 1755 году И. Курочкин получил «добро» на строительство молотового завода в Койгородской волости на р. Кажим. В 1757 году он и А. Юрьинский получили разрешение в 35 верстах от Кажимского завода на речке Нючпас построить еще один завод. В 1759 году заводы начали работать. Одновременно строился завод на нижней Сыsole при слиянии речек Нюччима и Денделя. Разрешение на его постройку было дано в 1756 году А.А. Плотникову и А.В. Панову. Сооружение предприятия началось в 1757 году и завершилось в 1761 году. Основной продукцией заводов были чугун и железо. После 1776 года здесь стали изготавливать орудийные снаряды, якоря, чугунный балласт для кораблей, листовое и «штыковое» железо. Выполнялись и специальные задания – например, изготовление железа для крыш Зимнего дворца в Петербурге, для водоносных фляг и др.

В начале XIX века у владельцев Нюччимского завода возникли проблемы, и предприятие решили продать. В 1811 г. российский военный министр и один из будущих военачальников Отечественной войны 1812 г. Барклай де Толли сообщил, что Нюччимский завод с землей и крестьянами желает купить немецкий предприниматель Вистингхаузен, дабы устроить там «фабрику для выделки инструментов для сельского домоводства, особенно же всех сортов ружей, разумея и армейские». Предложение было отклонено, а в 1813 году завод купили владельцы Кажимского, Нючпасского и двух вятских заводов. В 1856 году заводы перешли в руки владельца сибирских золотых приисков Д.Е. Бенардаки. Он был знаком с Н.В. Гоголем, оказывал ему материальную помощь и послужил прототипом положительного героя Костонжого в «Мертвых душах».

Все заводские работы изначально надлежало осуществлять «вольнонаемными людьми за добровольную плату». Это были государственные крестьяне Слободского и Вятского уездов, обученные заводскому мастерству. Они жили при заводах, но официально числились на прежнем месте жительства. Так на Сыsole стали складываться группы русского населения. Со временем потребности в рабочей силе увеличивались. В 1799 году на Нювчимском заводе имелось 126 работных и мастеровых людей, на Кажимском заводе – 35 мастеровых и 115 работных людей, небольшом Нючпасском заводе – трое мастеровых. После того как в 1797 г. император Павел I дозволил покупку крестьян для работы на заводах, владельцы Нювчимского завода высказали намерение приобрести 236 крестьян в Костромской и Вологодской губерниях. В 1816 году в Нювчине числилось 111 крепостных, в 1834 г. – 184 человек, в 1850 г. – 233. На Кажимском заводе (не говоря уже про Нючпасский) крепостных числилось и того меньше – 58 человек в 1816 году, 77 человек в 1834 году. В 1911 году на Нювчимском заводе насчитывалось 106 рабочих, на Кажимском – 190, на Нючпасском – 50. В 1857 г. нювчимцы носили следующие фамилии: Забалуев, Леушин, Воробьев, Соколов, Соболев, Ефремов, Савельев, Творожников, Колесов, Васильев, Денисов, Семечков, Попов, Леонтьев, Пугачев. Они и составляли коренное население посёлка. Кажимцы в середине XIX в. носили фамилии Курдюков, Мелехин, Перваков, Супрядкин, Миняев и др. Русское население заводских посёлков из поколения в поколение передавало премудрости литейного дела.

Изысканные изделия художественного литья, изготовленные на Нювчимском чугунолитейном заводе, называли «Нювчимским кружевом». Художественное литьё, получившее в конце XIX в. название «кабинетного», представлено скульптурами, бюстами, ажурными полочками, декоративными тарелками, шкатулками, пепельницами, чернильницами, рамками и другими предметами, украшавшими некогда интерьеры домов. В 1896 году мастерство нювчимских литейщиков было отмечено серебряной медалью на Нижегородской Всероссийской художественно-промышленной выставке. За время существования завода с XVIII по XX век сложились династии нювчимских рабочих и мастеров:

Творожниковых, Воробьёвых, Забалуевых, Маракулиных, Леушиных, Соколовых и других. Для владельцев завода выпуск художественного литья был визитной карточкой, возможностью показать и подчеркнуть высокое качество выпускаемого промышленного металла. Свою роль в распространении этих изделий в интерьерах домов сыграла небольшая стоимость вещей: изделия из чугуна были значительно дешевле подобных изделий из бронзы.

Завод давал заработать не только населению посёлков, но и жителям соседних сёл и деревень. Заготовкой леса и формовочной земли, изготовлением угля занимались семейные артели из сел Шошка, Лозым, Пажга, Ыб. Уже в первые годы существования сысольских заводов среди обитателей заводских поселков появились и многочисленные коми. К 1773 году на Нювчимском заводе работали молотовый подмастерье Н. Мальцев из Вьльгортской волости, мастер кричной тяги Т. Макаров из Небдинской волости, молотовый мастер Е. Шахов, подмастерья кричной тяги М. Попов и Г. Кузнецов, жившие вместе с семьями в поселке при заводе. К середине XIX века там появились Белоголовов из Ыба, Шарапов из Визинги, Напалков из Усть-Кулома и Сурнин, к началу XX века – Надуткин, Оверин, Князев, Кузьвасев, Габов, Рочев, Корычев, Вавилин, Бараксанов, Улитин, Елькин, Кузиванов, Сивков, Сивергин и другие. В поселках при Кажимском и Нючпасском заводах коми было меньше (Тебеньковы, Панюковы, Макаровы, Куликовы, Козловы, Грязных, Оботуровы и другие).

Рабочие Нювчимского завода часто брали жен из окрестных коми сел. Женщины усваивали господствовавший в посёлке русский язык, а дети говорили только по-русски. В нескольких поселившихся здесь коми семьях родной язык также со временем был забыт, и потомки стали считать себя русскими. Вследствие изменений условий жизни изменился и быт, всё крестьянское исчезло. Такие семьи стали считать себя русскими. Заводской русский говор отличался некоторым своеобразием: резкостью и грубоватостью произношения, заменой в глаголах конечной «л» на «в» (купив, пришов, ушов) и т. д.

Этнограф Л.Н. Жеребцов, исследовавший культуру и быт заводского населения, отмечал, что домашнее хозяйство заводского населения отличалось от крестьянского.

Приписанные к заводу крепостные пахотной земли не имели и полеводством не занимались. Только возле домов у них были приусадебные участки, считавшиеся заводской землей. На них выращивали рожь, ячмень, овес, огородные культуры, позднее – картофель. Государственные крестьяне, поселившиеся при заводах, имели пашенные земли, где сеяли хлеб.

Заводское население большое внимание обращало на скотоводства. Скот имелся в каждом хозяйстве, причем почти исключительно крупный рогатый (две, иногда три коровы). Лошадей держали мало, также как и овец (больше их было у государственных крестьян, живших около завода). Для корма скота заготавливали сено на расчищенных покосах и лесных полянах. Расчистки производились на заводской даче. Каждый пользовался тем, что мог расчистить.

Важное значение в хозяйстве рабочих имели охота и рыболовство. Охотились в основном на боровую и водоплавающую птицу. В моменты массового перелета случалось так, что заводы останавливались, ибо все мужчины поголовно с ружьями в руках бежали к пруду и т.д. бить птицу. Подобные случаи были нередки даже в конце XIX века. За пушным зверем рабочие не охотились, так как охота для них имела смысл в качестве источника получения продовольствия (мяса), а не с целью добычи пушнины на продажу. Рыболовство в реках и прудах тоже служило источником улучшения условий питания местных жителей. Женщины все свободное от домашнего хозяйства время занимались плетением кружев, которые весной продавали или обменивали в Усть-Сысольске на необходимые вещи (главным образом, на одежду). Нювчимские кружева пользовались большим спросом у городских мещан из-за их прочности и красоты.

Поселения и жилища при заводах отличались заметным своеобразием по сравнению с соседними крестьянскими. Рабочие поселки еще во второй половине XIX века застраивались поквартально по специальному утвержденному заводоуправлением плану. Улицы прямые с двухсторонним расположением домов на них. Центром поселка была церковь с погостом. От церковной четырехугольной площади по прямым линиям расходились улицы. Сам завод располагался ближе к пруду на берегу реки.

В XVIII и начале XIX вв. рабочие строили свои дома из двух изб с сенями между ними, как у крестьян. Со второй четверти XIX века жилые постройки заводского населения стали резко изменяться, приближаясь по типу к городским. Возможно, что в этом деле играло роль влияние города, стремление рабочих жить по-городски, а не по-деревенски. Начинали возводить дом вскоре после женитьбы рабочего в местах, указанных заводской конторой согласно утвержденному плану постройки. Дом состоял из кухни и одной, двух или трех комнат. В новых домах не было полатей и лавок, зато появились («как у городских») кровати, шкаф, стол, жесткий диван и стулья.

Одеваться тоже старились, «по-городскому»: вся одежда шилась из фабричных (ситец, сукно), а не из самотканых материй. Специальных головных уборов не имелось. Девушки заплетали волосы в одну или две косы и носили их спущенными вдоль спины. Женщины обязаны были обвертывать косы вокруг головы. Поскольку ходить с непокрытой головой считалось неприличным, то и девушки, и женщины надевали платки и даже мужчины выходили всегда в картузах и шляпах.

Пища изготовлялась из тех же продуктов, что и крестьянская: молоко и молочные продукты, мясо и рыба. Большое внимание обращалось также на сбор и заготовку разнообразных грибов и ягод. Выращивалась на огороде разнообразная зелень. Все это позволяло готовить более разнообразные блюда по сравнению с традиционными крестьянскими меню. Обычными были различные супы, жаркие, винегреты, окрошки, каши и т.д.

Хлеб пекли караваями на поду. В праздники стряпали шаньги, плюшки, калачи, пироги и т.д. Из напитков любимым был чай. Все семьи стремились иметь самовары, которые кипятили по нескольку раз в день. Даже в цехах стояли громадные самовары и специально назначенная женщина следила за тем, чтобы они всегда к перерыву были горячими. Кроме того, летом готовили квас, а на праздники хмельное солодовое пиво. Пищу подавали на стол в общей чашке, из которой хлебала вся семья. Отдельных чашек не было.

Большая часть фольклорных традиций формировалась в иноэтническом окружении русскими переселенцами из северных и центральных губерний России. Фольклорная культура этих

традиций практически не испытала на себе иноэтничного влияния: состав жанров, жанровые доминанты местных фольклорных культур, специфика функционирования фольклорных произведений, особенности бытования обрядовых комплексов указывают на традиции Русского Севера и отчасти центральной России. В фольклоре потомков русского старожильского населения республики обнаруживаются указания на их историческую родину и материнскую культуру, а иноэтничная среда для этих традиций стала фактором, влияющим на консервацию элементов материнской культуры.

Основой фольклорной культуры русского старожильского населения заводских поселений Кажым, Ньючим, Нючпас (чугунолитейное, железоделательное производство) стали традиции тех территорий, откуда прибыли заводчане (Вятская, Вологодская, Костромская и другие губернии). Этнографы говорят о возможном влиянии принципов домостроительства с территориями Вятской и Пермской губерний; в материальной культуре поселка Ньючим сохранилась традиция кружевоплетения («плетение на коклюшках»), не характерная для местной коми культуры, но имеющая богатые традиции в близлежащих вологодских землях и др. Обращение к отдельным сюжетам народного календаря демонстрирует «встраивание» местных традиций, сформированных более пестрым по составу населением, в культуру Русского Севера и центральной России. Характерными чертами рождественско-святочной обрядности являются обходы домов взрослым населением и детьми с целью славления Рождества, ряженье, гадания. Отдельные праздники весенне-летние цикла, в частности, троицкий обряд «похороны березы», имеет черты сходства с молодежными троицкими обрядовыми гуляниями, зафиксированными в районах центральной России, Поволжья, Урала.

В XX веке «конструирование» коллективной исторической памяти потомков заводчан происходит, в том числе, при участии средств массовой информации, с привлечением книжной культуры, при участии представителей местной интеллигенции. Анализ исторических преданий позволяет констатировать процесс активного включения в местный хроникат сведений об исторических событиях и известных исторических деятелях российского масштаба

(например, императрицах Елизавете Петровне и Екатерине II Алексеевне, императоре Николае II и др.), связывающих переселенцев с Большой родиной и позволяющих «включиться» в российский исторический контекст, маркировать значимые вехи местной истории. В устной прозе присутствуют мотив насильственного переселения крепостных крестьян из российских губерний; мотив основания рудных промыслов в связи с продажей месторождений (земли) или людей в счет карточного долга; мотив связи с Санкт-Петербургом и «кровной» связи с царской семьей; мотив особой роли уральского промышленника Демидова в становлении и развитии производства в поселке Кажым и прочее.

Местный прозвищный фольклор отражает характер взаимоотношений между пришлым русским и аборигенным коми населением, ментальную общность русских поселков. Так, русские жители всех трех поселений объединяются коллективно-групповым прозвищем – водохлебы (*нювчимские водохлёбы, кажымские водохлёбы*). Память о родине переселенцев закрепились в родовых прозвищах: *Вагановы* – предки с реки Ваги Архангельской области, *Солины* – из г. Сольвычегодск, *кировский лапоть, калужский лапоть* – приезжие из Кировской, Калужской областей и др. Посредством групповых присловий подчеркивались разные условия жизни русского заводского и коми населения, особый статус заводчан: жители поселка Нювчим номинировались *няня рок* (семантика достатка, изобилия, хороших условий жизни), коми – *кыдья рок, бобонянь* (актуализируются представления о бедности, нужде). Неприязнь между русскими и коми повлияла на то, что устаревший этноним *зыряне* утрачивает свою нейтральность и приобретает пренебрежительный, пейоративный оттенок; по свидетельствам местных жителей, название *зыряне/-а* использовали в качестве бранного, обидного.

В традиционной культуре населения заводских посёлков надолго сохранились ремесленные традиции изначальных мест проживания заводчан – западной части Вологодской, Архангельской, Вятской губерний. Особенно ярко это выражено в традиции кружевоплетения. В собрании Национального музея Республики Коми сохранились образцы кружев нювчимских и кажымских мастериц: подзоры, выполненные для декорирования постельного белья, салфетки, занавески, элементы одежды –

воротнички и манжеты. Среди них – кружевной подзор, выполненный А.И. Воробьевой (1893-1981 г.) – женой формовщика-литейщика М.Д. Воробьева, работавшего на Нювчимском чугунолитейном заводе с 1902 по 1957 год. А.И. Воробьева была домохозяйкой, плела кружева. Мерное кружево выполнялось на специальных подушках с коклюшками при помощи трафаретов – сколок. Нювчимские кружева достойно представляли местные традиции на всероссийском уровне. Жительница Нювчима А.А. Анисимова за сплетенные ею кружева была удостоена диплома 4-й степени Главного Выставочного Комитета первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР.

Русский писатель П.В. Засодимский в изданной в 1878 г. после поездки по Коми краю книге «В зырянском крае» скептически отозвался о состоянии сысольских заводов, однако заметил, что «если принять во внимание богатство здешних руд и качество железа», то «здесьние заводы в несколько лет могли бы обратиться в города, наподобие североамериканских Чикаго, растущих сказочно быстро; заводы могли бы завести свои собственные пароходы для сношений с Архангельском и с европейскими рынками...». Чикаго из Нювчима и других заводских поселков не получился. В 1918 году заводы были национализированы. В 1923 году из-за прорыва плотины, высокой себестоимости чугуна и незначительности количества рабочих Нючпасский завод был остановлен. В 1926 году завод окончательно решили ликвидировать, а рабочим предложили перейти на другие заводы. На Кажимском заводе в 1924 году законсервировали все цеха, кроме доменного. В 1926 году на заводе работало около 400 человек, из них постоянно – примерно 200 человек. Доменный цех работал лишь 3 месяца в году. В декабре 1927 года президиум Коми облизполкома решил с 1928 года провести консервацию Кажимского завода из-за его убыточности. Решение об окончательной ликвидации завода не было принято, но он так и не возобновил работу. Нювчимский завод доработал до начала 1990-х гг. В 20-е – 40-е годы XX века, кроме литейного цеха, на нювчимском заводе открыли эмальцех, где впервые в республике освоили технологию изготовления эмалированной посуды, цех деревообработки, в котором в годы Великой Отечественной войны наладили

производство лыж и саней. В 1993 году завод был продан частному предпринимателю, а к 1995 году прекратил работу.

Но заводы остались в памяти старожилов: «Наш нювчимский завод был кормилец... Всё производили. Чугунные ступки, сковородки, чугуны, котлы, печки, маленькие чугуны. Не у всех было в деревнях-то. Это в литейном только. <...> Техническое литьё какое у нас было красивое, художественное литьё какое у нас было...», – вспоминала А.М. Соколова. Потомки кажимских и нювчимских династий литейщиков находили себе работу и в городе. В трудные времена дома разбирали и сплавляли по реке. Так в местечке Кируль в Сыктывкаре появились небольшие дома с четырёхскатной крышей, русской печкой и лежанкой. Некоторые из «переехавших» домов сохранились до сих пор. Из Кажима перевезли свои дома Воробьёвы, Куварины, Миняевы. Потомки заводчан, освоив технические и инженерные специальности, работали на предприятиях города. Мастерство литейщиков и кружевниц, черпающее традиции в культуре русских Урала, Вологодской, Вятской, Архангельской губерний, привнесло новые черты в культуру Коми края.

В конце XVIII – начале XIX вв. началось заселение безлюдных ранее верховьев Печоры со стороны Прикамья. Торговый путь, который вел с Камы и ее притоков на Печору, был известен с XVI-XVII вв. Он вел от г. Чердынь по р. Колве и Вишерке до Чусовского озера, по озеру, далее по рекам Березовке, Еловке, Вогулке. Между р. Волосницей и р. Вогулкой находился волок (шесть верст), по которому торговцы из бассейна Камы попадали в бассейн р. Печоры. Там, в районе Якши, устраивались перевалочные базы, товары грузились на баржи и отправлялись вниз по Печоре. На месте погрузки товаров на баржи со временем (во второй половине XVIII в.) появились пристани. В частности, около 1770 года возникла Якшинская пристань.

Постоянные селения появились здесь позднее. Первой на рубеже XVIII – XIX веков была основана деревня Усть-Волосница, относившаяся к Чердынскому уезду Пермской губернии. Ее первопоселенцами были русские (возможно, обрусевшие пермяки) из названного уезда. В 1809 году в Усть-Волоснице было три двора, в 1840 году – пять дворов. В

1802–1803 гг. уже существовала деревня Мамыль. Побывавший здесь в 1840 году промышленник В.Н. Латкин записал ее как деревню Пожег: «Жителей её зовут момылями; не от зырянского ли слова омыль (худой, дрянной) произошло это название? В деревне до шести домов». На карте 1846 года это селение обозначено как Усть-Пожег. По преданию, деревню основал крестьянин Афанасий из д. Пожег на верхней Вычегде, потомки которого носили фамилию Афанасьев. Позднее рядом с ним поселился выходец из коми-пермяцкой д. Мамыль (из Прикамья). Согласно другому варианту легенды, Афанасием звали беглого солдата по прозвищу Мамыль, осевшего по соседству с выходцем из Пожега. Возможно, предки Афанасьевых были коми-пермяками. Между деревнями Мамыль и Порог пролегла граница между территориями расселения коми и русских на верхней Печоре.

К 1834 году появились Усть-Унья и Золотуха (вероятно, располагавшаяся близ современной деревни Пачгино), к 1843 году – Пачгино. В Усть-Унье в 1847 году было восемь или девять дворов. Вероятно, между 1869 и 1872 гг. появились Светлый родник, Шайтановка и Собинская Заостровка, около 1870 года – Усть-Бердыш, около 1878 года – Долгое Плесо, к 1884–1886 гг. – Курья, Гаревая (Гаревка), Ёлма, Куски (Кусково), около 1895 г. – выселок У Камешка, к 1896 году – выселок Узкая Прямица (Узкое Плесо).

Возникновение Якши как селения с постоянным населением исследователи относят к началу XX века; среди первых жителей Якши был Пачгин, Бурмантов, Лызлов, Езов. Вполне вероятно, что они были обрусевшими коми-пермяками, в языке которых сохранилось много коми слов. В 1909 году в Якше было 10 дворов. Общее количество населенных пунктов в верховьях Печоры и их людность даже в начале XX века были невелики. Эта территория относилась к Пермской губернии.

Своеобразная этнокультурная группа населения могла сложиться на рубеже XIX и XX столетий вокруг строившегося на р. Унье завода. В начале 1890-х гг. крестьянин Дьяков из дер. Ныроб (на р. Колве, впадавшей в приток Камы Вишеру) заинтересовался поисками железной руды, которые организовала на Вишере французская компания, и самоучкой приобрел какие-то элементарные геологические познания.

Будучи охотником, он однажды забрел в верховья р. Уньи, где близь деревни Усть-Бердыш нашел железорудное месторождение.

Купцов из ближайшего к Ныробу города Чердынь (центра обширного уезда, к которому относились и верховья Печоры) железная руда не заинтересовала. Несколько больше любопытства проявили их соседи из Соликамска: купец А.В. Рязанцев в 1895 г. даже отправил к устью р. Бердыш управляющего своим солеваренным заводом горного инженера А.Н. Чернова, ставшего первым из трех поколений династии геологов Черновых, проводившим исследования на территории современной Республики Коми. Однако по каким-то причинам А.В. Рязанцев за разработку месторождения не взялся, и права на нее в 1898 году приобрел нижегородский купец М.И. Лукьянов, рассчитывавший в условиях бурного развития железнодорожного строительства и – вследствие этого – металлургической промышленности быстро окупить свои вложения в новое дело.

В середине 1899 года М.И. Лукьянов начал подготовительные работы по постройке чугунолитейного завода на две домны на р. Унье у устья р. Бердыш. У подножия рудоносной горы двое рабочих-татар заложили шахту. В апреле 1900 года построили первую домну с литейным двором и машинное отделение, в котором помещался паровой котел и паровая машина. Завод начал работать. На нем трудилось довольно много основных и подсобных рабочих (по некоторым данным, до 600). При заводе на обоих берегах Уньи были построены жилые дома и бараки, кирпичный сарай, лавка и др. Начали завозить оборудование для второй домны. Руда была весьма качественная, металл из нее тоже получался очень хороший. (По крайней мере, об этом могут свидетельствовать шестерни и гири, до сих пор сохранившиеся на месте завода).

М.И. Лукьянов рассчитывал получить налоговые льготы и субсидии для расширения производства, но его надежды не оправдались. Чердынские купцы, ссудившие его деньгами для строительства, тоже никаких отсрочек по возврату долга не предоставили. В результате и из-за отсутствия средств вторую домну так и не построили, да и первую пришлось остановить к концу декабря того же 1900 года. Всего с апреля до декабря на заводе выплавили 896 тонн чугуна, 650 из них отправили в

Петербург на Сормовский завод. Из-за промышленного кризиса 1900–1903 гг. и связанного с ним падения цен на чугун Уньинский завод больше не возобновлял работу. Правда, желание купить завод высказывал расширявший свою деятельность германский завод «Шихау», строивший военные корабли и пассажирские суда, но сделка не состоялась. В конце концов, оборудование и часть построек завода были проданы с торгов. Местный фольклор тоже связывает закрытие завода с долгами владельца, только с другими – карточными (проигрался, мол, в пух и прах...). В 1911 году на левом берегу р. Уньи напротив Усть-Бердыша еще стояла домна, в домике возле которой жил сторож. Его застал побывавший там сын инженера А.Н. Чернова – выдающийся исследователь природных богатств Европейского Северо-Востока А.А. Чернов.

В первой половине 1920-х гг. в состав Коми области были переданы пристань Якша на р. Печоре и селение Усть-Пожег (Мамыль). Жители остальных населённых пунктов Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов в 1928–1947 гг. неоднократно ходатайствовали о включении их в состав Коми автономной области, затем – в состав Коми АССР. Руководство Коми автономии поддерживало эти ходатайства. Но только 24 декабря 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР было утверждено решение о перечислении Курьинского и Усть-Уньинского селсоветов из Ныробского района Молотовской области (современный Пермский край) в состав Троицко-Печорского района Коми АССР. В январе 1950 г. в состав Троицко-Печорского района были переданы населенные пункты Курья, Волосница, Пачгино, Кусково, Усть-Унья, Светлый родник, Усть-Бердыш и Горевка, в которых проживало 639 человек.

Русские традиции верхней Печоры (поселок Якша, село Курья, деревни Волосница, Пачгино, Усть-Унья, Светлый Родник, Бердыш) образованы русскими крестьянами, преимущественно выходцами из Чердынского края Пермской губернии (территория северного Прикамья, Колвинского бассейна) и обрусевшими коми-пермяками. В 1962 году в ходе экспедиции в Троицко-Печорском районе Л.Н. Жеребцов, изучавший традиционную культуру верхнепечорских коми, попутно сделал несколько наблюдений относительно материальной культуры русского населения верховьев Печоры.

Жилище верхнепечорских русских имело некоторые особенности. Старые дома там напоминали жилища летских коми и представляли собой четырехстенки с внутренними перегородками и одной печью, которая располагалась посреди дома (еще одна печь, летняя, находилась во дворе). Голбечную пристройку в доме не делали, а в подполье попадали через «западню». Во всех домах были полати, на которых спали. (*Голбец* – пристройка, загородка в избе между печью и стеной со ступеньками и лазом для спуска в подполье (нижний голбец) или для подъема на печь и на полати (верхний голбец). *Полати* – помост в избе над дверью между печью и стеной, на уровне выше человеческого роста. *Западня* – подъемная деревянная крышка (люк) над лазом в подполье). В новых домах-пятистенках полати уже не делали. Крыльцо дома обычно было низким, а лестница располагалась внутри, в сенях. Дома покрывались, главным образом, двускатными крышами, но изредка встречались и шатровые крыши.

Снаружи свои дома верхнепечорцы почти не украшали, разве что иногда резными наличниками. Зато комнаты и другие внутренние помещения украшались разнообразными вышивками, репродукциями картин и фотографиями. Пол застилали дорожками, на окна и двери вешали занавески. Стены изнутри обмазывали глиной и белили; в середине XX века мода изменилась: вместо белил стали использовать краску (потолок красили в белый, стены – в голубой или желтый цвета). Вокруг дома располагались амбары на грибовидных ножках и погреба. Среди русских жителей верхней Печоры, в отличие от их соседей-коми, отсутствовало ткачество; домашних холстов и сукон верхнепечорские русские не изготавливали. В селениях не было колодцев – воду брали прямо из впадавших в Печору речек, очень быстрых и чистых.

На формирование местной фольклорной культуры оказал влияние конфессиональный фактор: со второй половины XIX века на средней и верхней Печоре возникает множество скитов (сначала старообрядческих, а позже и скрытнических) по р. Печоре и ее притокам (рекам Щугор, Илыч, Унья). В локальных традициях верхней Печоры записаны разнообразные сведения о календарном обряде и календарной словесности: рождественский период с хождением по домам ряженных (местные термины повсеместно *полУдники*, *единичное коляды*),

переодетых стариками и старухами, животными. Ряженные мазали лицо сажей или надевали тряпичную, берестяную маску, танцевали, стучали в печные заслонки. Многочисленны и разнообразны гадания: девушки «пололи» снег с приговором *«Полю, полю снежок, где мой женишок, там собачка злай»*, выдергивали полено из поленницы (суковатое или гладкое значит бедный или богатый жених будет; по количеству сучьев судили о количестве детей), с целью узнать судьбу (замужество, смерть) проходили через дугу (девушке завязывали глаза, раскручивали и отпускали: *«попадешь в дугу – замуж выйдешь»*), слушали, что говорят под окнами домов, в банях и овинах, замораживали воду в ложках, клали гребень под подушку и по цвету волоса определяли цвет волос будущего мужа; гадали с петухом (в разные чашки клали хлеб, ключи, гвозди, пеленки, наливали воду, выпускали петуха и смотрели, что клюнет; если испражнится, то девушка родит без мужа). Многочисленны рассказы об *Ильине дне*: в этот день запрещалось работать, прежде всего, выполнять «черную» работу и сено косить. Считалось, что на Ильин день Илья Пророк катается на колеснице. *Воздвижение* повсеместно связывают с запретом ходить в лес из-за гона лосей и медведей. Про этот день говорили: *«На медведя идешь – постель стели (т.е. поломает, станешь инвалидом), на лося идешь – гроб чеши» (убьет)*.

В легендах о происхождении населенных пунктов встречаются версии о возникновении названий поселений. Так, номинацию пос. Якша связывают с татарским словом *якши* 'хорошо'. По легенде Екатерина Вторая проезжала в тех местах, ее ямщик, татарин, увидев местную красоту, воскликнул «Якши!»: *«говорили, якобы, <...> Екатерина здесь ехала, здесь остановилась. У ней якобы был татарин ямщиком, и сказал “Якши”, ну, [значит] “Хорошо!” Вот Якша и стала. Вот тут и Катерининский тракт, якобы так было»*. По другой версии, названия Якша и Кирша получили два ручья по именам первых поселившихся в этих краях братьев Якова и Кирилла, по одному из этих ручьев поселок Якша получил название. Самое распространенное прозвище местных жителей – Челдон (челдонами называют коренных жителей-первопоселенцев, приехавших из Пермского края; говорят, что *челдон* означает 'человек, пришедший с Дона', т.е. потомок донских казаков).

Локально-групповое прозвище жителей с. Курья – *вачканята, вачканы* («*есть дрозд, он разговаривает «ча-ча-ча», так вот, дрозд, а местное название ему не дрозд, а вачкан*»).

Жителей д. Пачгино называли *гвозди, сгвозди*, потому что они маленького роста или «самые трудолюбивые»; также *растягалы* или *растягаи*, потому что говорят медленно, растягивая слова. Жители д. Волосница – *дятлы, красноголовые дятлы*, так как рыжеволосые, д. Усть-Унья – *хробыстальники, хрубостальники*, то есть громкоголосые, д. Светлый родник – *светлоглазые ерши*. В местном свадебном обряде существовал обычай стрелять из ружей при встрече молодых перед свадебным пиром («невесте крылышки подстреливали», «жениха к невесте пристреливали»). Из поминальной обрядности повсеместно упоминают *Семик*: в это день ходили на кладбище «дернить могилы», т.е. благоустраивать (закрывать кусками дерна) могилы, как правило, у тех, кто умер до Пасхи, считалось, что «*могилы дернят – глаза мертвым закрывают, чтобы тепло стало*». В устной прозе любопытны эсхатологические легенды о «конце света»; легенды о христианских святых (Михаиле Архангеле, Кирике и Улите, Николае Чудотворце); историческая проза с упоминанием известных исторических персонажей (Иван Грозный, Михаил Ломоносов и проч.). Популярны духовые стихи («Содом», «Потоп», «Соловецкий монастырь»).

Изложенные в настоящей статье данные представляют далеко не все аспекты затронутой проблемы. История формирования локальных групп русского населения на Лузе, верхней Печоре, Выми и Сыsole, особенностей их материальной и духовной культуры требует дальнейшего изучения с привлечением новых архивных и экспедиционных материалов.

Список литературы и источников

1. Алейников А.А., Чагин Г.Н. Население в верховьях Печоры и Уньи в конце XIX – начале XX века // Труды Печоро-Ильчского заповедника. Сыктывкар, 2015. Выпуск 17. С. 4 – 12.

2. Бандура С.В., Крашенинникова Ю.А. Культурное наследие Нювчима: из опыта презентации музейной коллекции через фольклорный текст // Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период. Москва, 2011. Выпуск 14. С. 121 – 131.
3. Власов А.Н., Канева Т.С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения. Сыктывкар, 2006. С. 16 – 39.
4. Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.
5. Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX - XX вв.). Сыктывкар, 2002.
6. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
7. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.
8. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, 2005.
9. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX - начало XX вв.) // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1962. Выпуск 7. С.121 – 138.
10. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV - XIX веках. Сыктывкар, 1972.
11. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
12. Жеребцов Л.Н. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97 – 107. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР; выпуск 38).
13. Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. 420 с. (Научное наследие; Выпуск 2).

14. Жеребцов Л.Н., Грибова Л.С., Куратов П.А. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Троицко-Печорском и Печорском районах 1962 г. // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. 260 л.
15. Жеребцов Л.Н., Гагарин Ю.В., Грибова Л.С., Куратов П.А., Дукарт Н.И. Научный отчет об этнографической экспедиции в Прилузье, Кировскую область и Коми-Пермяцкий округ 1966 г. // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140. 172 л.
16. Историко-культурное достояние Республики Коми (научно-популярные очерки). Сыктывкар, 2021.
17. Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник. Составитель Н.Д. Конаков. Сыктывкар, 1993.
18. Крашенинникова Ю.А. Локальные традиции как этнические маркеры (ритуалы и поэзия Великого четверга с. Лойма на материалах XXI в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. Выпуск 11. С. 181 –189.
19. Крашенинникова Ю.А., Низовцева С.Г. Печорская фольклорная экспедиция ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН // Живая старина. 2017. Выпуск 1 (93). С. 63 – 66.
20. Крашенинникова Ю.А. История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Человек и событие в исторической памяти. Сыктывкар, 2017. С. 132 – 147.
21. Крашенинникова Ю.А. Некоторые итоги экспедиционного обследования русских горнозаводских поселений Республики Коми в XXI в. // Живая старина. 2019. № 1. С. 17 – 20.
22. Крашенинникова Ю.А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299 – 310.
23. Крашенинникова Ю.А., Низовцева С.Г., Шахматская П.А. Отчет о полевых исследованиях фольклорной экспедиции в Княжпогостском районе Республики Коми в 2014 году // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 843. 176 л.

24. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
25. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
26. Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Научный отчет Прилузского этнографического отряда 1959 г. // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48. 151 л.
27. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, 2014.
28. Политов В.В. Промышленность Коми края в XVIII в. Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН, 2005. (Научное наследие; Выпуск 1).
29. Художественное литьё Ньючимского чугунолитейного завода. Составители С.В. Бандура, В.С. Зеленский, Ю.А. Крашенинникова. Серия «Раритеты Национального музея Республики Коми». Выпуск 3. Сыктывкар, 2009.

References

1. Aleinikov A.A., Chagin G.N. Naselenie v verkhov'iakh Pechory i Un'i v kontse XIX – nachale XX veka [Population in the upper reaches of the Pechora and Unya at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. *Trudy Pechoro-Ilychskogo zapovednika* [Proceedings of the Pechora-Ilychsky Reserve]. Syktyvkar, 2015, iss. 17, pp. 4–12.
2. Bandura S.V., Krasheninnikova Yu.A. Kul'turnoe nasledie Niuvchima: iz opyta prezentatsii muzeinoi kollektсии cherez fol'klornyi tekst [Cultural heritage of Nyuvchim: from the experience of presenting a museum collection through folklore text]. *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir. Kompleksnye issledovaniia traditsionnoi kul'tury v postsovetski period* [Slavic traditional culture and the modern world. Comprehensive studies of traditional culture in the post-Soviet period]. Moscow, 2011, iss. 14, pp. 121–131.
3. Vlasov A.N., Kaneva T.S. K probleme fenomenologii lokal'nykh traditsii (po rezul'tatam issledovaniia fol'klornoii kul'tury Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii) [On the problem of the phenomenology of local traditions (based on the results of the

- study of the folk culture of the European North-East of Russia)]. *Narodnaia kul'tura Evropeiskogo Severa Rossii: regional'nye aspekty izucheniia* [People's culture of the European North of Russia: regional aspects of the study]. Syktyvkar, 2006, pp. 16–39.
4. Gribova L.S. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi* [Decorative and applied art of the Komi peoples]. Moscow, 1980.
 5. Dronova T.I. *Russkie starovery-bespopovtsy: konfessional'nye traditsii v obriadakh zhiznennogo tsikla (konets XIX - XX vv.)* [Russian Old Believers-bespopovtsy: confessional traditions in the rituals of the life cycle (late 19th - 20th centuries)]. Syktyvkar, 2002.
 6. Zherebtsov I.L. *Naselenie Komi kraia vo vtoroi polovine XVI – nachale XVIII v.* [Population of the Komi Territory in the second half of the 16th - early 18th centuries]. Ekaterinburg, 1996.
 7. Zherebtsov I.L. *Komi krai v XVIII – seredine XIX veka: territoria i naselenie* [Komi Territory in the 18th - mid-19th century: territory and population]. Syktyvkar, 1998.
 8. Zherebtsov I.L., Rozhkin E.N. *Etnodemograficheskie protsessy v Komi krae (XI – nachalo KhKh veka)* [Ethno-demographic processes in the Komi Territory (XI - early XX century)]. Syktyvkar, 2005.
 9. Zherebtsov L.N. K izucheniiu kul'tury i byta gornozavodskogo naseleniia Komi kraia (II polovina XIX - nachalo KhKh vv.) [To the study of the culture and life of the mining population of the Komi Territory (II half of the XIX - early XX centuries)]. *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and Philological Collection of the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. Syktyvkar, 1962, iss. 7, pp.121–138.
 10. Zherebtsov L.N. *Rasselenie komi v XV - XIX vekakh* [Settlement of the Komi in the 15th - 19th centuries]. Syktyvkar, 1972.
 11. Zherebtsov L.N. *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniia komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of the Komi with neighboring peoples]. Moscow, 1982.
 12. Zherebtsov L.N. Etnokul'turnaia spetsifika priluzskikh komi [Ethnocultural specificity of the Priluzian Komi]. *Krest'ianstvo Komi kraia (dosovetskii period). Trudy Instituta iazyka, literatury i istorii Komi filiala AN SSSR* [Peasantry of the Komi Territory (pre-Soviet period). Proceedings of the Institute of Language,

- Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences]. Syktyvkar, 1986, iss. 38, pp. 97–107.
13. Zherebtsov L.N. Dorogi etnografa [Ethnographer's roads]. *Nauchnoe nasledie* [Scientific heritage]. Syktyvkar, 2005, iss. 2.
 14. Zherebtsov L.N., Gribova L.S., Kuratov P.A. Nauchnyi otchet ob itogakh etnograficheskoi ekspeditsii v Troitsko-Pechorskoi i Pechorskoi raionakh 1962 g. [Scientific report on the results of the ethnographic expedition in the Troitsko-Pechora and Pechora regions in 1962]. *Nauchnyi arkhiv Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia RAN* [Scientific archive of the Komi scientific center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1, Inv. 13, File 79, 260 fols.
 15. Zherebtsov L.N., Gagarin Iu.V., Gribova L.S., Kuratov P.A., Dukart N.I. Nauchnyi otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii v Priluz'e, Kirovskoi oblasti i Komi-Permiatskii okrug 1966 g. [Scientific report on the ethnographic expedition to the Komi region, the Kirov region and the Komi-Permyak district in 1966]. *Nauchnyi arkhiv Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia RAN* [Scientific archive of the Komi scientific center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1, Inv. 13, File 140, 172 fols.
 16. *Istoriko-kul'turnoe dostoianie Respubliki Komi (nauchno-populiarnye ocherki)* [Historical and cultural heritage of the Komi Republic (popular science essays)]. Syktyvkar, 2021.
 17. *Komi-zyriane. Istoriko-etnograficheskii spravochnik* [Komi Zyryans. Historical and ethnographic reference book]. Compiled by N.D. Konakov. Syktyvkar, 1993.
 18. Krasheninnikova Yu.A. Lokal'nye traditsii kak etnicheskie markery (ritualy i poeziia Velikogo chetverg s. Loima na materialakh XXI v.) [Local traditions as ethnic markers (rituals and poetry of Great Thursday in the village of Loima on materials of the XXI century)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]. 2014, iss. 11, pp. 181–189.
 19. Krasheninnikova Yu.A., Nizovtseva S.G. Pechorskaia fol'klornaia ekspeditsiia IlaLI Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Pechora folklore expedition of the IYALI of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Zhivaia starina* [Living antiquity], 2017, vol. 93, no. 1, pp. 63–66.

20. Krasheninnikova Yu.A. Istoriiia gornozavodskikh poselenii Respubliki Komi v mestnoi ustnoi proze (k voprosu ob istochnikakh i mekhanizmakh formirovaniia fol'klornogo repertuara) [History of mining settlements in the Komi Republic in local oral prose (to the question of the sources and mechanisms of the formation of the folklore repertoire)]. *Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamiati* [Man and event in historical memory]. Syktyvkar, 2017, pp. 132–147.
21. Krasheninnikova Yu.A. Nekotorye itogi ekspeditsionnogo obsledovaniia russkikh gornozavodskikh poselenii Respubliki Komi v XXI v. [Some results of the expeditionary survey of Russian mining settlements in the Komi Republic in the XXI century]. *Zhivaia starina* [Living antiquity], 2019, no. 1, pp. 17–20.
22. Krasheninnikova Yu.A. Pokhorony «po-repnomu» (o nekotorykh faktakh pokhoronno-pominal'noi obriadnosti severnykh russkikh) [Funeral "po-repnomu" (about some facts of funeral and memorial rituals of northern Russians)]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2009, no. 10, pp. 299–310.
23. Krasheninnikova Yu.A., Nizovtseva S.G., Shakhmatskaia P.A. Otchet o polevykh issledovaniiah fol'klornoj ekspeditsii v Kniazhpogostskom raione Respubliki Komi v 2014 godu [Report on the field research of the folklore expedition in the Knyazhpogostsky district of the Komi Republic in 2014]. *Nauchnyi arkhiv Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia RAN* [Scientific archive of the Komi scientific center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. Fund 5, Inv. 2, File 843, 176 fols.
24. Lashuk L.P. *Ocherk etnicheskoi istorii Pechorskogo kraia* [Essay on the ethnic history of the Pechora region.]. Syktyvkar, 1958.
25. Lashuk L.P. *Formirovanie narodnosti komi* [Formation of the Komi people]. Moscow, 1972.
26. Lashuk L.P., Zherebtsov L.N. Nauchnyi otchet Priluzskogo etnograficheskogo otriada 1959 g. [Scientific report of the Priluzsky ethnographic detachment of 1959]. *Nauchnyi arkhiv Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia RAN* [Scientific archive of the Komi scientific center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1, Inv. 13, File 48, 151 fols.

27. *Ot pervobytnykh stoianok – k gorodam. Ocherki istorii zaseleniia Respubliki Komi s drevneishikh vremen do kontsa KhKh veka* [From primitive sites - to cities. Essays on the history of the settlement of the Komi Republic from ancient times to the end of the twentieth century]. Syktyvkar, 2014.
28. Politov V.V. Promyshlennost' Komi kraia v XVIII v. [Industry of the Komi Territory in the 18th century]. *Nauchnoe nasledie* [Scientific heritage]. Syktyvkar, 2005, iss. 1.
29. Khudozhestvennoe lit'e Niuvchimskogo chugunoliteinogo zavoda [Artistic casting of the Nyuvchim iron foundry]. Compiled by S.V. Bandura, V.S. Zelensky, Yu.A. Krashennnikov. *Raritety Natsional'nogo muzeia Respubliki Komi* [Rarities of the National Museum of the Komi Republic]. Syktyvkar, 2009, iss. 3.